

2. Хлебозаготовки

В начале 1924 г. в СССР произошли принципиальные изменения в организации сельскохозяйственного оборота. Если в предыдущий период часть произведенной продукции отчуждалась у производителей безвозмездно, то с 1 января 1924 г. натуральный налог в СССР был отменен, и заготовки хлеба и других сельхозпродуктов стали осуществляться исключительно коммерческим путем.

С началом 1924 г. было связано и изменение конъюнктуры хлебного рынка в Сибири, которая в ноябре–декабре 1923 г. характеризовалась превышением предложения над спросом и снижением закупочных цен. В январе 1924 г. было возобновлено кредитование хлебозаготовительной деятельности. Одновременно уменьшился подвоз крестьянского хлеба на рынок. Сельские жители сдали большую часть налога и удовлетворили свои самые насущные потребности в промтоварах, причем большая часть запасов хлеба в деревне оставалась к этому времени у наиболее зажиточных крестьян, которые имели возможность придерживать его реализацию, твердо надеясь на весеннее повышение цен.

Другим фактором сдерживания предложения было обесценивание совзнаков. В период с декабря 1923 г. по февраль 1924 г. это делало невыгодным для крестьянина их накопление даже в течение нескольких дней. Хлеб в создавшихся условиях считался сельским населением более твердой и надежной валютой, нежели совзнак. Отсюда стремление крестьян придержать хлеб и реализовывать его лишь по мере возникновения нужды в какой-либо покупке¹.

Спрос при уменьшившемся предложении со стороны городского населения оставался стабильным и даже начал расти в связи с постепенным улучшением материального положения. Превышение спроса над предложением вызвало, начиная с января 1924 г., рост хлебных цен. В феврале средние закупочные цены «Хлебопродукта» в целом по региону составляли: на рожь – 69 коп., на пшеницу – 1 р. 11 к., средние рыночные цены – соответственно 83 коп. и 1 р. 23 к. за пуд. В январе цены были следующими: 63 коп., 79 коп., 70 коп. и 1 р. 2 к. соответственно². 1 марта один пуд пшеницы покупался на рынках Омской, Новониколаевской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний за 1 р. 83 к., 1 р. 28 к., 1 р. 38 к., 96 коп. и 1 р. 55 к. (табл. 3). Самые высокие рыночные цены установились в неурожайной

Омской губернии, самые низкие – по-прежнему держались в наиболее урожайных Томской и Енисейской губерниях.

Т а б л и ц а 3

Рыночные цены на хлеб по губерниям Сибири с января по август 1924 г. (коп. за пуд)

Дата	Новониколаевская	Алтайская	Омская	Томская	Енисейская	Иркутская	Сибирь в це- лом
<i>Пшеница</i>							
1.01	82	68	125	70	69	113	88
1.02	114	99	141	91	98	142	114
1.03	128	138	183	96	95	155	133
1.04	117	138	144	100	103	160	127
1.05	120	143	141	нет св.	115	139	132
1.06	118	112	151	111	112	144	125
1.07	107	145	148	107	106	154	128
1.08	123	130	141	103	84	137	120
<i>Рожь</i>							
1.01	51	53	86	35	53	77	59
1.02	70	80	114	48	55	93	77
1.03	74	100	132	50	54	100	85
1.04	66	105	126	48	58	109	85
1.05	63	нет св.	115	нет св.	65	99	86
1.06	69	85	110	55	55	115	82
1.07	61	нет св.	111	48	63	106	78
1.08	72	115	100	50	40	111	82

Источник: Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 205–206, 220–221.

Следует отметить, что крестьяне фактически получали за проданное зерно значительно меньше рыночных цен. Это было связано с высоким уровнем устанавливаемых местными властями всевозможных торговых сборов. В информационной сводке уполномоченного Томского губотделения ОГПУ сообщалось об обстановке, сложившейся на Щегловском городском рынке в феврале 1924 г. Уездный исполком установил следующие сборы с торгующих на базаре: базарные – 25 коп. с каждого привезенного мешка и весовые – 2 коп. с каждого взвешенного пуда. В результате стали возможны нижеприведенные ситуации. Один из крестьян вывез на рынок 16 пудов пшеницы, рас-

фасованного в 4 мешка. В первый день торговли он продал 1 мешок по цене 35 коп. за пуд и выручил таким образом 1 р. 40 к. Из этой суммы он вынужден был отдать 1 руб. базарных (в том числе и за непроданные мешки) и 8 коп. весовых. Остальное количество пшена он продал на следующий день по той же цене, получив 4 р. 20 к. и отдав 75 коп. базарных и 24 коп. весовых. За два дня торговли он в итоге получил 3 р. 53 к., а фактическая продажная цена пшена для него составила 22 коп. за пуд.

Другой крестьянин привез на рынок 10 пудов овса в 6 мешках и продал его в тот же день по 50 коп. за пуд. Из выручки в 5 руб. у него изъяли 1 р. 50 к. базарных и 20 коп. весовых. У него осталось 3 р. 20 к. Итоговая цена одного пуда овса – 32 коп. При этом базарный сбор с крестьян взимался вне зависимости от того, продали они привезенные продукты или нет. 29 февраля работник рынка, не имея возможности собрать базарные у некоторых лиц, не продавших товар и не имевших средств, обратился в уездный исполком. Председатель исполкома отдал распоряжение послать ему на помощь наряд милиции. После этого, чтобы немедленно оплатить базарные, крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию за бесценок. Естественно, подобное положение, характерное не только для Щегловского уезда, вызывало острое недовольство сельских жителей³.

Продолжался рост хлебных цен и в европейской части страны. Среднезаготовительная цена АО «Хлебопродукт» в целом по СССР на рожь в феврале достигла 73 коп. за пуд, на пшеницу 1 р. 26 к. По сравнению с сентябрем эти цены выросли в 2,4 и в 2,3 раза. Средняя цена вольного рынка в целом по стране в феврале 1924 г. на рожь составила 82 коп. за пуд, на пшеницу – 1 р. 23 к.⁴ Причины непрерывного пятимесячного роста цен были такими же, как и в Сибири – превышение спроса над предложением. Спрос на хлеб форсировался стремлением различных государственных и кооперативных организаций участвовать в прибыли от экспорта. Повышенный спрос на зерно формировали частные мельницы, которые готовы были платить высокие цены, рассчитывая, что такая тенденция сохранится и это гарантирует получение прибыли в будущем. Производители также надеялись на дальнейшее увеличение цен и поэтому задерживали реализацию оставшегося у них зерна.

Вслед за заготовительными ценами росли и продажные цены на хлеб и хлебопродукты. Причем и при самом низком уровне закупочных цен продажные цены были не такие уж и низкие, так как в них входили непомерно высокие накладные расходы: цена пуда хлеба составляла 52,4 коп. (в 1922/23 г. – 55,6 коп.)⁵. Кроме того, в конце фев-

раля – начале марта 1924 г. произошло падение курса иностранной валюты по отношению к червонцу. В результате цена вывозимого из страны зерна оказалась фактически равной его реализационной цене за границей. Экспорт зерновых, таким образом, становился убыточным⁶.

Нерентабельность экспорта могла подорвать устойчивость червонца. А высокие продажные цены на хлеб вызывали социальную напряженность в городе. В связи с этим советским руководством был принят курс на снижение закупочных цен. Прежде всего был сокращен хлебный экспорт. Принимались меры по снижению накладных расходов в хлебной торговле. Однако хлебные цены продолжали увеличиваться. И в начале второй декады февраля СТО принял серию более радикальных мер. В промышленных центрах вводились предельные цены на печеный хлеб для государственной и кооперативной торговли, которые были ниже рыночных.

Государственным и кооперативным заготовительным организациям на местах были даны директивы о снижении закупочных цен до уровня, соответствующего установленным предельным ценам на печеный хлеб (ориентировочные лимиты). Выше этих цен вести заготовки не рекомендовалось. После стабилизации хлебных цен предполагалось перейти к их постепенному снижению. С этой целью было проведено несколько туров уменьшения предельных цен на печеный хлеб и соответствующего снижения ориентировочных лимитов. На частных торговцев эти цены официально не распространялись, однако частники были предупреждены, что если они «добровольно» не будут следовать установленным ценам, то к ним будут приняты принудительные меры. Одновременно в города и потребляющие районы страны форсированным порядком перебрасывались зерно и мука из государственных запасов с целью их массового предложения на рынке и удовлетворения имеющегося спроса⁷.

В соответствии с рекомендациями Центра мероприятия по снижению хлебных цен стали проводиться и в Сибири. Однако речь здесь шла уже не об ориентировочных лимитах, а о жестких предельных ценах. Государственным и кооперативным организациям в регионе запрещалось закупать пшеницу по цене выше одного рубля за пуд. Закупочные лимиты на рожь составляли в Омской, Новониколаевской, Алтайской и Иркутской губерниях 60 коп., в Енисейской и Томской губерниях – 50 коп. за пуд. С целью снижения цен разрешалась реализация на рынке хлеба из фонда Сибревкома. Для проведения «хлебной интервенции» в Омской губернии, в которой цены были самыми высокими, Сибкомвнуторг рекомендовал заготовителям перебросить туда все свободные излишки зерна. Сибконтора Госбанка в свою оче-

редь прекратила кредитование заготовок, а чтобы ускорить реализацию уже заготовленного хлеба, потребовала от финансируемых ею организаций скорейшего погашения кредитов⁸.

Помимо ограничительных мер административного характера на снижение цен влияла изменившаяся конъюнктура. В то время как государственные и кооперативные заготорганизации по указанию сверху сокращали объемы хлебозакупа, предложение зерна на рынке увеличивалось. Связано это было с возросшей потребностью в деньгах со стороны крестьян. Дело в том, что на март приходился обязательный срок сдачи оставшейся части сельхозналога. А уплачивался он теперь только деньгами. Снижение с помощью директивных методов оптовых и розничных цен на промтовары привело их в соответствие с покупательными возможностями сельского населения и усилило спрос на них. Хлебная торговля полностью перешла на червонцы. Это дало крестьянам возможность делать долгосрочные денежные накопления. Прибавился и сезонный фактор: приближалась распутица, во время которой реализация сельхозпродукции становилась невозможной, и, следовательно, нужду в деньгах нужно было удовлетворять заранее.

В результате воздействия со стороны государства и благоприятной рыночной конъюнктуры хлебные цены в конце февраля стабилизировались, а с марта началось их постепенное снижение по большинству производящих районов. В Сибири среднезаготовительные цены АО «Хлебопродукт» на пшеницу составляли в марте 98 коп. против 1 р. 11 к. за пуд в феврале. Инерция повышения хлебных цен на вольном рынке оказалась более продолжительной. Если цены на рожь здесь в марте по сравнению с февралем несколько уменьшились, то на пшеницу, пользующуюся все возрастающим спросом, даже возросли (в Сибири с 1 р. 23 к. до 1 р. 31 к.)⁹.

Однако вместе со снижением закупочных цен уменьшались объемы заготовок как в целом в стране, так и в ее отдельных регионах¹⁰. В Сибири централизованный хлебозакуп в апреле составил 433 тыс. пудов против 871 тыс. пудов в феврале¹¹. Для того чтобы в этих условиях полностью удовлетворить городской спрос на хлебопродукты, приходилось достаточно широко привлекать зерно и муку из государственных запасов, размеры которых к концу заготовительной кампании 1923/24 г. оказались ниже оптимальных.

В целом за год централизованный хлебозакуп в Сибири (т.е. закупки трех наиболее крупных заготорганизаций – Сибкрайсоюза, «Сибхлебопродукта» и Сибсельскосоюза) составил 10 081 тыс. пудов, или 94,6% от годового плана, пшеницы закупили 3160 тыс. пудов, ржи – 3379 тыс., муки – 1219 тыс., зернофуража – 1299 тыс. пудов. Сибкрай-

союз приобрел 4616 тыс. пудов, «Сибхлебопродукт» – 4326 тыс. и Сибсельскосоюз – 1139 тыс. пудов хлеба. За пределы региона было вывезено 7438 тыс. пудов. Данный объем зачислили в счет общесоюзного хлебозакупа, доля региона в котором составила всего лишь 2,3% (см.: прилож., табл. V).

Кроме того, губсоюзами потребкооперации для собственных нужд было закуплено хлеба 3,4 млн пудов, Сибмельпродом – около 1 млн пудов, Сибторгом – 500 тыс. пудов, другими, более мелкими государственными и кооперативными заготовительными организациями – не менее 300 тыс. пудов. Удельный вес частного капитала в хлебной торговле края по-прежнему был невелик. Их закупки на рынке, по различным данным, составляли от 1 до 3 млн пудов.

Из общего количества закупленного государственными и кооперативными заготовительными организациями хлеба на Омскую губернию приходилось 1445 тыс. пудов, Новониколаевскую – 2248, Алтайскую – 2984, Томскую – 3301, Енисейскую – 3325, Иркутскую – 2006 тыс. На долю юго-западных губерний края приходилось, таким образом, 43% коммерческих хлебозаготовок, на долю северо-восточных – 56%. В счет натуральной части сельскохозяйственного налога до 1 января 1924 г. сибирские крестьяне сдали 6371 тыс. пудов зерна¹².

Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. началась в условиях продолжающегося восстановления зернового производства. Увеличившиеся размеры посевных площадей и состояние посевов к концу весны 1924 г. позволяло ожидать, что осенью в стране может быть собран неплохой урожай¹³. Однако в середине лета конъюнктура заготовительного рынка СССР коренным образом изменилась. Установившаяся со второй декады июня сухая жаркая погода привела к недороду в Нижнем Поволжье, на части территории Северного Кавказа и Среднего Поволжья, в ряде районов Дона, ЦЧО и Восточной Украины. Неурожай создал угрозу непредсказуемого роста сельскохозяйственных цен, способного поколебать госбюджет, стабильность червонца, понизить уровень жизни горожан и, прежде всего, рабочих. В этой связи остро встала проблема выработки соответствующей государственной политики.

Прежде всего, была реорганизована система управления заготовительным рынком. Выработка общих принципов регулирования хлебного рынка в предстоящем году по-прежнему возлагалась на Осполком СТО. Однако непосредственное руководство централизованными государственными заготовками должны были осуществлять созданные в мае 1924 г. Наркомат внутренней торговли СССР и наркомторги союзных республик с их местными органами (в Сибири, как указыва-

лось выше, Сибкрайвнутторг). В функции Наркомвнутторга СССР входило регулирование закупочных цен, разработка и распределение общегосударственных заготовительных планов.

Сокращалось число государственных и кооперативных организаций, на которые разверстывался общегосударственный план закупок. Только организации, получившие статус основных плановых заготовителей, должны были в предстоящую кампанию финансироваться государством. В РСФСР в их число вошли АО «Хлебопродукт», Госбанк, Госторг, Центросоюз и Сельскосоюз. Перед основными заготовительными организациями была поставлена задача закупок максимально возможного количества хлеба, с тем чтобы удовлетворить внутренние потребности страны и предотвратить перебои в снабжении. Регулирующие органы на местах не должны были допустить чрезмерного усиления позиции и частного хлеботоргового капитала.

Для предотвращения неконтролируемого роста цен решено было применить практику лимитирования закупочных цен, предписываемых к исполнению основным государственным и кооперативным заготовителям. Местным внутторгам давалось право вводить обязательные лимиты и для неосновных государственных и кооперативных заготовительных организаций. На частных хлеботорговцев лимиты не распространялись. По мнению руководителей советской экономики, возможности частных хозяйств были ограничены и сорвать выполнение плана централизованных хлебозаготовок они не могли.

С целью повышения у крестьянства потребности в деньгах и стимулирования таким образом их к ускорению вывоза на рынок хлеба было решено сдвинуть на более раннее время обязательные промежуточные сроки взимания сельскохозяйственного налога. Чтобы не допустить излишнего повышения цен во второй половине кампании, предписывалось в целом по стране до 1 января 1925 г. осуществить закупки хлеба в размере 75% от годового плана¹⁴. Из этого количества предполагалось создать резервный фонд, который мог быть выпущен на рынок в случае возникновения на нем ажиотажного спроса или чрезмерного роста цен. В соответствии с принятым в начале августа планом хлебозакупа государство предполагало получить в свои руки в течение года около 400 млн пудов хлебопродуктов¹⁵. План централизованных закупок был распределен по регионам, культурам и промежуточным срокам. С учетом этого строились планы финансирования хлебозаготовок, завоза и вывоза заготовленного хлеба.

С точки зрения экспертов, определенной гарантией успеха предстоящей кампании являлся хороший урожай, собранный в Волжско-Камском районе, на Урале, в Казахстане и Сибири, тем более что в

этих регионах хлебные цены в 1923/24 г. держались на относительно низком уровне. В Сибири в 1924 г. площадь посева ржи выросла на 21,5%, пшеницы – на 20,8, овса – на 9,4%. Значительно выше прошлогодней была и урожайность. В результате валовой сбор зерновых увеличился в регионе на четверть (пшеницы на 61%) (см.: прилож., табл. I). Кроме того, в северо-восточных производящих районах края имелись достаточно солидные запасы зерна, нереализованные в прошедшем году. В связи с этим Центром первоначально был предложен заготовительный план для Сибири в размере 50 млн пудов.

Сибревком и Сибкрайвнутторг считали, что этот план значительно превосходит возможности края и предложили свой вариант, в соответствии с которым централизованные закупки всех видов хлебопродуктов в Сибири должны были составить 34 млн пудов¹⁶. В конечном итоге был принят компромиссный вариант, оценивающий заготовительные возможности региона в 44,3 млн пудов. Из них на юго-западные губернии приходилось 23,6 млн пудов (Омскую – 4,2, Ново-Николаевскую – 10,1, Алтайскую – 9,3) и на северо-восточные – 20,7 млн пудов (Томскую – 8,8, Енисейскую – 8,6 и Иркутскую – 3,3). Пшеницы планировалось закупить 16,4 млн пудов, ржи – 14,35 млн, зернофуража – 8,98 млн, крупяных – 2,96 млн и маслосемян (последние включались в государственный план централизованных хлебозаготовок) – 1,61 млн пудов. До 1 января 1925 г. необходимо было выполнить 55% плана, а весь предполагаемый объем хлебопродуктов закупить к апрелю¹⁷.

Выполнение государственного плана по Сибири было объявлено ударной задачей. На основных хлебозаготовителей возлагалась ответственность за своевременное снабжение деньгами и материальными ресурсами их сибирских контор. Чтобы иметь возможность закупить планируемое количество хлеба, в регионе началось интенсивное развертывание сыпных пунктов, укомплектование их штатами. В качестве основных плановых заготовителей на сибирский рынок допускались «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз, Сибсельскосоюз, региональные конторы Госторга РСФСР (Сибгосторг), Госбанка и Росмасложирсиндиката, а также местная организация Сибторг, в задачи которой входило снабжение хлебом потребляющих районов Сибири. Кроме того, на всей территории региона допускались заготовки железнодорожной потребительской кооперации (Сибтпо), призванной удовлетворять потребности в хлебопродуктах рабочих и служащих сибирских железных дорог¹⁸.

Хлебозаготовки иных местных и инорайонных организаций и учреждений, частных лиц официально не запрещались. Однако

Сибревком 30 июля 1924 г. принял постановление, в соответствии с которым инорайонные государственные и кооперативные заготовители допускались на сибирский хлебный рынок только с разрешения Сибкрайвнутторга, причем последний по возможности должен был передавать их средства и планы хлебозакупа основным заготовительным организациям. Кроме того, основным государственным и кооперативным заготовителям запрещалось использование частных контрагентов¹⁹.

Наиболее крупные государственные заготовительные задания были возложены на «Сибхлебопродукт» и Сибкрайсоюз – соответственно 18 и 13,2 млн пудов. Сибкрайсоюз своими силами осуществить столь большой объем хлебозакупа не мог и поэтому разверстал задание по районным союзам. Те в свою очередь довели соответствующие планы до сельпо. Гарантией исполнения плановых заданий, коммерческая целесообразность которых для низовых кооперативов была в большинстве случаев сомнительна, могла быть только жесткая централизация кооперативной системы. Именно этой задаче были посвящены собрания уполномоченных сибпотребкооперации в июне и в августе 1924 г.

Прежде всего, в соответствии с их решениями и при содействии сибирских краевых советских и партийных органов, под предлогом упразднения лишнего управленческого звена²⁰ были ликвидированы губсоюзы, которые Сибкрайсоюз воспринимал как своих основных конкурентов в борьбе за влияние на низовую сеть. Теперь между сибцентром потребкооперации и низовыми кооперативами находились только более слабые районные союзы, 25% паевого капитала которых с целью обеспечить более действенный контроль за их деятельностью были переведены в Сибкрайсоюз²¹.

Райсоюзы и потребительские общества, согласно решениям июньского собрания уполномоченных, должны были подчиняться директивам крайсоюза. Если до того (в 1922—1923 гг.), по мнению руководства краевого союза, *«каждый союз в отдельности рассматривал себя <...> как самодовлеющий оформленный организм, связывающийся со своими объединениями постольку, поскольку это выгодно»*, то с 1924 г. создалась *«необходимость тесной спайки всей кооперативной системы и полная нецелесообразность ее распыления на ничем между собой не связанные кооперативные ячейки. Обстоятельства в данное время требуют возможно большей цементировки всех звеньев кооперативной системы между собой и осуществления наиболее тесной связи между ними и согласованных действий»*²².

Августовское совещание приняло решение об *«объединении хлебных операций всей системы в единое целое»*. Каждый союз получал

план хлебозаготовок по календарным срокам и культурам и финансировался в централизованном порядке. В полном соответствии с планом Сибкрайсоюза должна была осуществляться отправка хлеба по железнодорожным и водным путям и его сбыт. *«Самостоятельные выступления союзов по продаже хлеба исключаются, весь хлеб проходит через Сибкрайсоюз».* Таким образом, 1924 г. должен был стать годом, *«в котором должно быть положено начало проведению хлебных операций под флагом коммерческой незаинтересованности кооперации»* (выделено мной. — В.И.). *Ведение операций, как говорят, на "коммерческих началах" должно быть в этом году отменено. Хлеб должен заготавливаться и продаваться в полном соответствии с общегосударственной политикой в этом вопросе»*²³.

Следует также учитывать, что многие кооператоры были сторонниками монополизации заготовительного рынка. Так, ответственным работником крайсоюза В. Махов считал, что загогаппарат государственных торговых организаций должен быть упразднен, а *«вся заготовительная работа должна вестись через кооперацию»*. Причем госорганизации, по его мнению, могли сотрудничать только с райсоюзами, их непосредственное обращение к потребительским обществам следовало исключить²⁴.

Сибирское руководство монополистических настроений потребкооперации в очередной раз не поддержало. Р.И. Эйхе на первом заседании Особого хлебного совещания при Сибревкоме в начале сентября 1924 г. заявил: *«Нас пугает не то, что низовая кооперация будет работать с основными госзаготовителями – в этом случае она будет содействовать осуществлению общего плана. Гораздо опасней и нежелательней ее работа с второстепенными заготовителями и инорайонными организациями, которые торпедируют лимитную политику, толкают низовую кооперацию на разбазаривание заготовленного хлеба»*. По итогам обсуждения проблемы хлебное совещание приняло решение призвать низовые потребительские и кредитные кооперативы вести заготовку только для своих райсоюзов или для основных госзаготовителей²⁵.

Централизацию своего аппарата провел и «Сибхлебопродукт». Его губернские конторы были также ликвидированы, а руководство заготовительными пунктами теперь осуществлялось непосредственно из находящейся в Новониколаевске сибконторы²⁶.

Как указывалось выше, главным средством предотвращения чрезмерного роста хлебных цен на 1924/25 г. в масштабах всей страны были признаны максимальные лимиты. В начале августа были введены лимиты на рожь и пшеницу. Однако в течение этого месяца они

практически не соблюдались, так как необходимо было срочно снабжать семенами озимых зерновых культур районы, пострадавшие от засухи. В распоряжении же государства имелись лишь незначительные запасы семенного зерна, оставшиеся от ликвидированного Наркомпрода. Следовательно, требовалось срочно закупить большое количество семян и отправить их на места. Общий семенной заготовительный план был составлен в размере 8 млн пудов²⁷.

В Сибири планировалось закупить 650 тыс. пудов семенной ржи. Задание было разверстано на «Сибхлебопродукт» и региональную контору Госбанка. Все остальные государственные и кооперативные держатели годного для семян хлеба обязывались срочно продать его через вышеуказанные заготовительные организации²⁸. Естественно, жесткое ограничение закупочных цен для основных государственных и кооперативных заготовителей могло помешать им взять на рынке необходимые объемы зерна. Государство было вынуждено щедро финансировать эти заготовки и в соответствии с конъюнктурой увеличивать лимиты хлебных цен. Среднемесячные закупочные цены 1 пуда ржи, предлагаемые «Хлебопродуктом», которые составляли в июне в среднем по СССР 67 коп., выросли в августе до 90 коп.²⁹ Благодаря этому планы закупок семенного материала и снабжения ими пострадавших от засухи районов были выполнены.

Таким образом, в начале заготовительной кампании 1924/25 г. на хлебном рынке СССР сложилась ситуация, принципиально отличающаяся от положения в 1922 и 1923 г. Валовой сбор зерновых уменьшился. Невелики были и общие запасы хлеба в стране³⁰. Страна вступала в хлебную кампанию с повышенным уровнем закупочных цен. Стабильное превышение спроса над предложением могло вызвать их дальнейший рост. Исходя из этого было принято решение о их существенном снижении.

Распоряжением Наркомвнутторга СССР 29 августа на всей территории страны лимиты на заготовительные цены на пшеницу и рожь резко уменьшились. В Сибири лимиты на пшеницу 29 августа были установлены в размере 80 коп. за пуд, на рожь – 55 коп. 6 сентября их снизили до 65–70 коп. на пшеницу и до 45–50 коп. на рожь³¹. В результате среднемесячные заготовительные цены основных кооперативных и государственных заготовительных организаций на пшеницу снизились в регионе с 1 р. 10 к. за пуд в августе до 87 коп. в сентябре и 70 коп. в октябре; на рожь – с 67 коп. до 50 и 47 коп. за пуд (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Среднемесячные закупочные цены основных государственных и кооперативных заготовительных организаций по губерниям Сибири в 1924/25 г. (коп. за пуд)

Месяц	Новониколаевская	Алтайская	Омская	Томская	Енисейская	Иркутская
<i>Пшеница</i>						
1924 г.						
Август	–	–	–	–	–	–
Сентябрь	95,0	77,5	87,5	–	89,0	–
Октябрь	68,1	63,8	66,8	–	62,1	–
Ноябрь	69,0	66,4	75,8	66,4	66,7	72,1
Декабрь	73,3	70,9	74,1	66,4	68,9	74,8
1925 г.						
Январь	81,1	76,8	78,2	70,0	67,7	74,4
Февраль	85,4	82,5	85,6	74,9	75,8	74,9
Март	118,0	113,0	126,0	110,0	103,0	86,0
Апрель	135,3	118,6	131,5	117,0	113,0	84,0
Май	–	–	128,3	–	–	–
Июнь	–	–	149,0	–	–	–
<i>Рожь</i>						
1924 г.						
Август	–	–	–	–	–	–
Сентябрь	53,0	53,5	47,0	–	46,0	–
Октябрь	48,0	41,0	45,5	–	41,5	–
Ноябрь	46,3	43,9	48,3	47,0	45,7	46,8
Декабрь	46,7	44,4	49,1	46,5	47,0	49,1
1925 г.						
Январь	48,6	45,2	49,7	47,3	45,8	54,8
Февраль	55,5	46,6	55,1	48,7	49,3	53,3
Март	79,0	67,0	59,0	68,0	63,0	70,0
Апрель	90,8	74,9	77,3	76,4	74,3	70,5
Май	–	–	82,9	–	–	–
Июнь	–	–	89,0	–	–	–

Источники: Жизнь Сибири. 1924. № 10. С. 119; ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 145, л. 321; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 282об.–283.

Резкое снижение заготовительных цен практически парализовало государственные заготовки в европейской части страны. Большая часть предложенного хлеба закупалась частными хлеботорговцами, которые, избавившись от конкуренции связанных лимитами государственных и кооперативных заготовителей, только выиграли. Предлагая теперь за зерно сравнительно невысокие, но все-таки превосходящие лимитный уровень цены, они приобретали львиную долю его рыночного предложения. В связи с этим планы централизованного хлебозакупа систематически не выполнялись. В сентябре–ноябре 1924 г. в основных хлебопроизводящих регионах европейской части страны основным государственным и кооперативным заготовительным организациям зерна было приобретено в 2 раза меньше, чем за тот же период 1923 г.³² В условиях недостаточных объемов централизованных заготовок не удалось создать резервный фонд, необходимый как для снабжения потребляющих районов весной, так и для регулирования рынка. Весь скупаемый основными заготовительными организациями хлеб тут же шел в продажу, но он с трудом покрывал предъявляемый на него спрос.

Из-за невысокого темпа заготовок центральные государственные органы предприняли ряд мер с целью активизировать предложение хлеба со стороны крестьянства. Прежде всего, было решено увеличить снабжение товарами крестьян основных хлебопроизводящих районов. В связи с невыполнением по большинству регионов страны первого обязательного срока выплаты сельхозналога СТО издает директивы о взыскании недоимок к 15 ноября. Последовал также ряд решений, несколько смягчающих лимитную политику³³.

Не имея возможности бороться с частным капиталом экономическими способами, государство переходит к административным методам его ограничения. Уже 26 сентября был введен запрет на выдачу Госбанком СССР кредитов под хлеб частным лицам, а Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) получил задание установить такую очередность погрузки хлебопродуктов на железной дороге, которая бы способствовала быстрейшему продвижению государственного и кооперативного хлеба в ущерб частному³⁴.

Реорганизована была и структура государственного управления хлебного рынка. Существование двух параллельных органов, в ведении которых находилось его регулирование, было признано нецелесообразным. Особая полномочная комиссия по восстановлению и развитию хлебной торговли при СТО 23 ноября 1924 г. была ликвидирована. Общее руководство централизованными государственными хлебозаготовками и регулирование рынка возлагались исключительно на Наркомвнуторг СССР и созданное в его составе хлебофуражное

управление. В качестве органа, координирующего централизованный хлебозакуп при наркомате, был создан Хлебный комитет, в состав которого вошли представители самого Наркомвнутторга, союзных наркоматов внешней торговли, финансов и земледелия, Госбанка СССР, а также основных государственных и кооперативных заготовительских организаций. Задачами комитета, имеющего совещательный характер, являлась разработка законопроектов, планов и системы мероприятий, связанных с организацией и ведением централизованных заготовок³⁵. Аналогичные комитеты создавались в союзных республиках. На местах те же функции выполняли «хлебные совещания», в состав которых входили основные государственные и кооперативные заготовители. В начале сентября 1924 г. было создано «Особое хлебное совещание» при Сибревком.

Важное значение для исправления положения на хлебном рынке страны центральные государственные органы отводили усилению заготовок на Урале и в Сибири, товарные запасы хлеба в которых были достаточно велики. В принимаемых ими в течение осени–зимы 1924 г. постановлениях (постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 9 октября, постановления СТО от 27 октября и 19 декабря, постановление Осполкома СТО от 10 октября³⁶) неоднократно признавалось необходимым принять особые меры по усилению централизованных закупок в этих регионах, возложив ответственность за успешное проведение кампании на Уралоблисполком и Сибревком.

В Сибири в начале кампании заготовки проходили достаточно сложно. В сентябре привоз зерна на рынок был незначительным. Октябрь дал некоторое увеличение хлебозакупа, однако месячное задание было выполнено лишь наполовину (табл. 5). При планируемом к 1 ноября 13%-ном исполнении годового плана к этому времени закупили всего 8% задания, полученного регионом на 1924/25 г. Успешно разворачивались закупки хлеба лишь в Новониколаевской губернии, давшей к концу октября 15,2% годового плана. В Омской губернии было заготовлено 13,1% от плана на год, в Алтайской – всего 6,6%. Заготовки на востоке края в начале осени практически не развернулись. В Иркутской, Енисейской и Томской губерниях вместе взятых к 1 ноября было закуплено лишь 819,3 тыс. пудов хлебопродуктов, или 4% годового плана³⁷.

Причины слабого хода заготовок в Сибири были разными. Такого большого количества хлеба, как было запланировано на 1924/25 г., в регионе в период нэпа еще не закупалось. Сибирские заготовители не имели достаточного опыта работы. В крае (в первую очередь это относится к восточным губерниям) не была до конца развернута заготови-

тельная сеть. Распутица и вековечное сибирское бездорожье мешали равномерному подвозу зерна на рынок.

Т а б л и ц а 5

Ход централизованных хлебозаготовок 1924/25 г. в Сибири
(по месяцам)

Месяц	Объем заготовок, тыс. пудов	% к годовому итогу	Выполнение месячного плана, %
1924 г.			
Сентябрь	1699,4	3,5	91,4
Октябрь	1823,9	3,8	47,9
Ноябрь	3935,9	8,1	51,6
Декабрь	10644,3	21,9	96,9
1925 г.			
Январь	8073,9	16,6	100,9
Февраль	6611,8	13,6	73,5
Март	5204,9	10,7	104,1
Апрель	4191,2	8,6	167,6
Май	909,3	1,9	121,2
Июнь	1698,8	3,5	130,7
Июль	1460,6	3,0	97,3
Август	1164,9	2,4	93,2

Источники: ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 6об.; ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 280; д. 78, л. 90.

Примечание: С сентября по май в объемы заготовок не включена часть закупок Сибсельскосоюза, которые прибавлены к итоговым данным.

Но главная причина заключалась в нежелании крестьян продавать свой хлеб основным государственным и кооперативным заготовительным организациям по низким ценам, тем более что значительная часть из них имела реальную возможность реализовывать произведенный хлеб, минуя основных региональных заготовителей. На Урале и в Казахстане уровень хлебных цен был выше, и жители близлежащих районов (Омской и Алтайской губерний) предпочитали вывозить зерно туда. Так, государственная среднезаготовительная цена одного пуда пшеницы на Урале была в октябре на 7 коп., а в ноябре на 14 коп. больше, чем в Сибири. Разница между ценами вольного рынка была еще большей – 23 и 16 коп.³⁸ Более высокую цену за свой хлеб получали кре-

стьяне и в Казахстане. Председатель Рубцовского уездного исполкома сообщал в письме в Алтайский губисполком, что зажиточные крестьяне вывозят зерно в Семипалатинск и продают его на вольном рынке по цене 1 р. 30 к. за пуд, тогда как в Рубцовке пуд стоил 80 коп. Помимо продажи своего хлеба зажиточные крестьяне сбывали в Казахстане хлеб, скупленный в уезде³⁹.

Дороже реализовать зерно можно было и в самой Сибири. Введение лимитных цен разделило хлебный рынок на два: государственный – с жесткими и строго контролируемыми низкими ценами, и вольный – с более высокими хлебными ценами, диктуемыми соотношением спроса и предложения. Естественно, более выгодной была реализация зерна на вольном рынке, на котором оперировали частные и не связанные с лимитами местные и инорайонные государственные хлеботоргующие организации.

Частники особенно интенсивно работали в Алтайской и Омской губерниях, которые, во-первых, являлись наиболее хлебными, во-вторых, находились ближе к основным потребляющим районам. Базой для деятельности частников на омском рынке были сосредоточенные здесь крупные товарные частные мельницы. Их владельцы скупали у крестьян зерно по ценам, несколько выше лимитных, перемалывали его и вывозили на Запад, где цены на муку были чрезвычайно велики, получая, таким образом, значительную прибыль при невысоких затратах. В связи с этим в бюллетене Экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ по Сибири (ЭКО ПП ОГПУ) сообщалось, что один из совладельцев наиболее крупной частной фирмы «Мукомольно-лесопромышленного товарищества» Иванов при встрече со своим старым знакомым, занимающим на тот момент ответственную должность в государственном заготаппарате, в ответ на вопрос *«как идет работа?»* сказал (имея в виду обязательные для государственных и кооперативных заготовителей лимиты): *«Между вами дураками жить еще можно»*⁴⁰.

В отдельные периоды осени 1924 г. к частным хлеботорговцам в Омской губернии попадало до половины и более рыночного предложения хлеба. Так, 31 октября на Ново-Омском рынке из 5 тыс. пудов зерна, привезенного крестьянами, 3 тыс. пудов закупило «Мукомольно-лесопромышленное товарищество», 1 тыс. пудов – более мелкие частные скупщики и только 1 тыс. пудов досталась государственным и кооперативным заготовительным организациям. В сентябре–ноябре из района Омска частными фирмами было вывезено до 700 тыс. пудов хлебопродуктов, преимущественно муки. Доля частного капитала в заготовках

хлебопродуктов до января 1925 г. составляла в целом по Сибири от 15 до 20%⁴¹.

Хлебный рынок Омской, Алтайской и Новониколаевской губерний привлекал также представителей государственных и кооперативных заготовительных организаций, не входящих в число основных. Большинство из них прибыло в Сибирь из остро нуждающихся в хлебе районов потребляющей полосы и имели задачу взять необходимое количество хлебопродуктов во что бы то ни стало. Чаще всего, не располагая возможностями для развертывания собственной заготовительной сети, они пользовались услугами частных хлеботорговцев, обеспечивая их таким образом денежными средствами. Продавать закупленный хлеб по более высоким ценам, минуя основные заготовительные организации, предпочитали не только крестьяне, но и низовые кооперативы и их районные объединения, которые не выполняли договоры по поставкам со своими центрами или государственными организациями. Так, Омский райсоюз потребительских обществ, скупив до 1 декабря 600 тыс. пудов хлебопродуктов, передал Сибкрайсоюзу только 10% от этого объема. Остальное было продано частным и инорайонным заготовителям по коммерческим ценам⁴².

В тех же районах Сибири, где частников и инорайонных заготовителей было мало, крестьяне вообще воздерживались от продажи зерна. Это во многом объяснялось существующими в условиях рынка закономерностями. Наиболее массовое предложение хлеба со стороны его производителей наблюдалось, как правило, осенью, в момент, когда нужда в деньгах после летнего периода была особенно велика, а время для реализации технических культур и продуктов животноводства еще не наступило. Поэтому осенние цены были наиболее низкими за сезон. По мере уменьшения предложения и возрастания спроса хлебные цены начинали расти, достигая максимальных величин к весне. Большой доход от продажи хлебопродуктов мог получить тот производитель, который сумел придержать их до весны. Отказаться от продажи хлеба до весны мог только достаточно состоятельный крестьянин.

В 1924 г. в результате анализа опыта проведения коммерческих хлебозаготовок как в первые годы нэпа, так и в дооктябрьский период была установлена применительно к основным хлебопроизводящим районам европейской части СССР следующая закономерность реализации зерна в зависимости от имущественной категории продавца. Бедняки 3/4 произведенного хлеба продавали в августе–октябре и еще 1/4 – в ноябре–декабре; середняки половину своего зерна вывозили в августе–октябре и оставшуюся половину – в ноябре–январе; зажиточные крестьяне – четверть в августе–октябре, четверть – в ноябре–

декабре и еще половину – после нового года⁴³. В Сибири в связи с более поздней уборкой урожая эти сроки были сдвинуты – продажа хлеба начиналась в сентябре–октябре.

Сроки продажи хлеба могли сдвигаться в зависимости от экономических, политических и даже погодных условий той или иной заготовительной кампании. Конъюнктурные особенности года могли способствовать тому, чтобы производители хлеба как можно дольше воздерживались от его продажи. Именно такие условия сложились осенью 1924 г. Хотя закупочные цены в этот период были выше средних за предыдущий год, крестьяне тем не менее не считали их справедливыми. Во-первых, потому, что в конце августа – начале сентября они были искусственно и очень резко снижены; во-вторых, такие цены не соответствовали предъявленному спросу на хлеб. Доказательством этого были более высокие цены вольного рынка. Убеждала крестьян в этом и конкуренция между основными государственными и кооперативными заготовительными организациями, представители которых с помощью разъездных агентов убеждали крестьян сдавать хлеб только им, устраивали за пределами отведенных базаров так называемые выдвигные амбары, угощали крестьян чаем, а то и водкой, выплачивали им небольшие надбавки за несуществующую на самом деле партионность поставки, подвозку, погрузку и разгрузку, мешки. Дело иногда едва не доходило до драк между заготовителями за право купить привезенный крестьянином хлеб.

Задержка реализации хлеба его производителями осенью 1924 г. была характерна для всех регионов Союза. Однако в Сибири эта позиция выдерживалась крестьянством наиболее последовательно. Способствовала этому и большая зажиточность местного крестьянства, которая позволяла уплачивать значительную часть сельскохозяйственного налога без продажи зерна. Фактически подобное поведение являлось формой давления на государство, формой борьбы крестьянства за свои интересы, через два года после этого получившей определение «хлебной стачки». При этом основными ее участниками были середняки. Беднота не могла воздерживаться от продажи хлеба достаточно долго и была вынуждена продавать его по низким ценам. Время для продажи зерна зажиточным крестьянством («кулачеством») еще не наступило.

Слабый ход заготовок в Сибири ставил под угрозу снабжение потребляющих районов страны и поэтому как центральными, так и местными органами был признан недопустимым. Главными виновниками подобного состояния дел на хлебном рынке края были названы частные и инорайонные заготовители. Именно на их максимально

возможное ограничение и даже вытеснение с рынка были направлены основные организационные меры местных властей.

Применительно к инорайонным государственным и кооперативным заготовителям Сибревкомом была установлена разрешительная система допуска к закупкам. Прежде всего, запрещался выход на рынок тем организациям, для которых хлебная торговля не являлась их основной функцией. Те же организации и учреждения, которые занимались ею официально, должны были получить на это разрешение Сибкрайвнутторга, а затем зарегистрироваться в соответствующем губвнутторге, который устанавливал для них определенный район заготовок. При этом из 53 инорайонных заготовителей, обратившихся в крайвнутторг за соответствующим разрешением, имели отказ 47. Инорайонным организациям, все-таки получившим допуск на региональный рынок, разрешался только партионный хлебозакуп у основных заготовителей. Вагоны для вывоза закупленной ими продукции предоставлялись только с разрешения губернского отдела внутренней торговли. При установлении превышения лимитов или других нарушений правил торговли хлеб, закупленный инорайонной организацией, поступал по определению губвнутторга одному из основных заготовителей, который расплачивался за него в строгом соответствии с лимитными ценами.

Закупка зерна местными торговыми учреждениями разрешалась или для последующей его перепродажи основным заготовителям, или для местного снабжения. Продажа частникам, инорайонным хлебозаготовителям и самостоятельный вывоз хлеба за пределы края местным организациям были запрещены. Низовая кооперация также имела право закупать зерно исключительно для основных заготовителей или кооперативных объединений. Последним в случае невыполнения ими договоров на поставку хлеба основным заготовителям не подавались вагоны⁴⁴.

Каких-либо законных оснований для подобных решений применительно к частным хлеботорговцам не существовало. Однако местных властей это не останавливало. Губернские и уездные внутторги также запрещали им закупки хлеба без соответствующей регистрации, в ходе которой частникам определялись для заготовок наименее хлебные и наиболее удаленные от железной дороги районы. Центральные сибирские органы не только не хотели замечать подобных нарушений закона, но даже провоцировали их. Так, Сибкрайвнутторг в ответ на запрос Бийского уездного отдела внутренней торговли о том, имеет ли он право под видом регистрации отказывать частным лицам проводить в уезде закупки хлеба, отметил, что юридических оснований для этого

нет. Однако рекомендовал идти на нарушение закона, так как волокита с рассмотрением принесенного частниками протеста на действие местных властей затянет время и будет одним из способов вытеснения частного капитала с рынка⁴⁵. Нарушали законы и превышали свои полномочия и сами краевые органы. В ответ на поручение Осполкома СТО от 22 октября ввести в Сибири меры по организации первоочередной погрузки для основных заготовителей Сибревком разослал на места секретный циркуляр, вообще запрещающий подачу вагонов под частные хлебные грузы⁴⁶.

Поощряемые либо прямыми указаниями, либо попустительством руководящих органов местные власти были неистощимы в своем «законотворчестве». Частник ставился под гласный контроль милиции и негласный ГПУ, которые были призваны отслеживать любые, самые малейшие нарушения правил торговли с его стороны. Применительно к частным хлеботорговцам ужесточались санитарные нормы. Жестко контролировались они и со стороны Государственной хлебной инспекции, призванной следить за качеством скупаемого зерна. В ряде мест закрывались базары, на них до 12 часов дня запрещалась скупка хлеба частными лицами⁴⁷.

За малейшее нарушение местных «законов» следовали крупные штрафы, а то и аресты. Впрочем, не всегда репрессии сопровождали какое-нибудь нарушение. Так, частный хлеботорговец В.И. Миненко в своем заявлении в Новониколаевскую товарную биржу указывал, что ведя заготовки в Мариинском уезде, он продавал закупленный хлеб преимущественно госорганам и кооперации и в редких случаях, за неимением спроса, частным лицам. Все сделки регистрировались им на бирже. Закупку он вел с разрешения Сибкрайвнутторга и не нарушал лимитных цен. Тем не менее уездные власти чинили ему всяческие препятствия, а в конце концов арестовали замещающего его сына и отобрали торговые книги⁴⁸.

Помимо административных ограничений ужесточался налоговый пресс на частную торговлю. Кое-где доходило даже до заградотрядов. Иркутский губвнутторг запретил деятельность частных хлебозаготовителей на всей территории губернии⁴⁹. Не менее жесткие меры воздействия – от штрафов до привлечения к судебной ответственности – применялись к государственным и кооперативным заготовителям, нарушающим лимитные цены или не выполнявшим циркуляры органов управления.

Помимо давления на частных и внеплановых государственных и кооперативных заготовителей с целью увеличения предложения зерна несколько видоизменилась и ценовая политика. Расширилось количе-

ство культур, на которые распространялись лимитные цены. 30 сентября были введены лимиты на овес и маслосемена. Распоряжением Сибревкома от 12 декабря устанавливались ценовые лимиты на ржаную и пшеничную муку. Подобные меры должны были выбить основу для спекуляции на разнице цен между различными культурами, зерном и мукой, а также сделать для крестьян более выгодной продажу основных зерновых культур, тем более, что лимиты на последние постоянно повышались. Еще 18 сентября Наркомвнутторг СССР разрешил до 5 коп. за пуд превышать лимитные цены на зерно при его закупке на ссыпных пунктах, удаленных от железных дорог более чем на 50 км. 17 декабря лимиты на пшеницу в Сибири с санкции Центра были увеличены в среднем на 10%, а 23 декабря в края пришло распоряжение Наркомвнутторга, обязывающее местные органы повысить лимитные закупочные цены на рожь и пшеницы на 25%⁵⁰.

Принятые меры позволили увеличить объемы централизованного хлебозакупа. В ноябре его увеличение по сравнению с октябрём составило за западе региона 150%, на востоке – 180%. Тем не менее месячное задание на ноябрь в целом по краю было выполнено немногим более, чем наполовину. И лишь в декабре практически удалось выполнить достаточно напряженное календарное задание в 11 млн пудов. Всего за месяц основные заготовительские организации закупили 10 664,3 тыс. пудов хлебопродуктов. При этом большее количество хлеба дали северо-восточные губернии региона – 6616,9 тыс. пудов. На западе приобрели 4047,4 тыс. пудов хлебопродуктов⁵¹. Однако доставка сибирского зерна в центральные и другие потребляющие районы осложнилась из-за транспортных затруднений. В связи с образованием на Самаро-Златоустовской железной дороге пробки из 5 тыс. вагонов хлебных грузов отгрузку зерна из края пришлось временно прекратить⁵². Это, в свою очередь, создало условия для переполнения складских помещений в самой Сибири и некоторого уменьшения закупок со стороны основных государственных и кооперативных заготовителей.

Несмотря на успех декабрьских заготовок, календарное задание первых шести месяцев кампании в Сибири выполнить не удалось. На 1 января 1925 г. выполнение годового плана в регионе составило 40,9% (табл. 6), тогда как к этому времени предполагалось заготовить 55% от запланированного на год. По западной части региона годовой план был выполнен на 38%, по северо-востоку – на 44,3%. Лучшее всего прошли заготовки в Томской и Енисейской губерниях (49,4 и 48,3% от годового плана), хуже всего (если судить по цифре выполнения годового плана в 20%) – в Иркутской губернии. Однако последнее было связано с тем, что плановое задание для губернии было чрезмер-

но завышено и не соответствовало ее возможностям. Более успешно прошли закупки пшеницы и ржи (46,7 и 46,6% от плана), менее успешно – зернофуража и маслосемян (31,4 и 29,1%)⁵³.

Т а б л и ц а 6

Ход централизованных хлебозаготовок 1924/25 г. по губерниям Сибири

Губернии	1.01.1925 г.		1.05.1925 г.		1.09.1925 г.	
	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану
Новониколаевская	3962,7	39,2	7444,9	73,7	8378,7	76,2
Алтайская	3326,0	35,8	7193,7	77,4	8081,4	79,2
Омская	1673,7	39,9	3169,2	52,8	4525,4	70,7
И т о г о по юго-западным губерниям	8962,4	38,0	17807,8	70,1	20985,5	76,0
Томская	4347,0	49,4	10687,8	121,5	11788,7	117,9
Енисейская	4152,5	48,3	11246,4	135,5	12877,6	131,8
Иркутская	661,6	20,0	2462,9	107,0	2950,9	118,0
И т о г о по северо-восточным губерниям	9161,1	44,3	24396,6	125,8	27617,2	124,4
И т о г о по Сибири	18123,5	40,9	42204,4	94,2	48602,7	97,6

Источники: ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 78, л. 90; д. 174, л. 279об.; ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 6об.

Примечание: На 1 января процент выполнения подсчитан от первоначального варианта плана, на 1 мая – от скорректированного в начале января; на 1 сентября – от окончательного варианта плана. С сентября по май в объемы заготовок не включена часть закупок Сибсельскосоюза, которые прибавлены к итоговым данным.

По результатам первой половины хлебозаготовительной кампании Сибкрайвнутторг с санкции Сибревкома несколько скорректировал годовой план, который по Омской губернии вырос с 4,2 млн до 6 млн пудов, а по Иркутской губернии снизился с 3,3 млн до 2,3 млн пудов. Помимо этого увеличивалось плановое задание по закупкам пшеницы (с 16,4 млн до 19 млн пудов) и ржи (с 14,35 млн до 15,1 млн пудов) и уменьшилось по зернофуражу (с 8,98 млн до 7,1 млн пудов), крупяным культурам (с 2,96 млн до 2 млн пудов) и маслосеменам (с 1,61 млн до 1,6 млн пудов). Новый годовой план по Сибири составил 44,8 млн пудов вместо 44,3 млн пудов в его первоначальном варианте⁵⁴.

Увеличение годового плана является свидетельством того, что руководящие органы Сибири смотрели на перспективы хлебозаготовительной кампании вполне оптимистично. Подтверждением подобного оптимизма стали результаты заготовок в январе, месячный план закупок в котором был даже несколько перевыполнен. В связи с этим сибирские власти оставили неизменными общие принципы регулирования рынка. В циркуляре Сибревкома от 21 января губисполкомы края обязывались продолжать жесткий контроль за соблюдением лимитов и исполнением договоров на поставку хлеба низовыми кооперативами.

В том же циркуляре с целью ускорения вывоза закупленного основными заготовителями зерна из Сибири изменялись правила отправки хлебных грузов по железной дороге. Согласно существующим нормам транспортные органы относили все грузы либо к внеочередной, либо к одной из последующих четырех категорий очередности погрузки. Все хлебофуражные грузы, отправляемые мелкими партиями, относились ко второй категории, а все хлебные грузы повагонной отправки – к третьей категории. Существовала также возможность переводить мелкие партии хлеба во внеочередную категорию в случае их отправки так называемой большой или спецскоростью. Но этими видами услуг ввиду их дороговизны практически никто не пользовался. В случае необходимости срочной доставки хлеба (это относилось и к другим видам товаров) в какой-либо остро нуждающийся регион страны НКПС по представлению соответствующих советских или хозяйственных органов имел право переводить его в более высокую категорию погрузки, причем делалось это для всех групп отправителей, как для государственных и кооперативных организаций, так и для частных фирм. Сибревком собственным решением обязал местные железнодорожные органы перевести из третьей категории погрузки во вторую все хлебные грузы основных заготовителей. Остальные заготовители оставались в третьей категории. Кроме того, Сибревком в очередной раз подтвердил запрет на подачу вагонов под частные хлебные грузы⁵⁵.

С целью ограничения частных заготовок, помимо неподачи вагонов, на местах (Томская и Алтайская губернии) вводилась обязательная регистрация частных хлеботорговцев во внутторгах. При этом, обратившись за регистрацией, частники либо получали документально оформленный запрет на хлеботорговые операции, либо обязывались (под расписку) соблюдать лимиты, обязательные лишь для основных заготовителей.

Однако оборотистые частники большинство запретов успешно преодолевали. Отказываясь от регистрации, они продолжали работать

в «подполье» и тем самым скрывали от планово-регулирующих органов свои доходы, истинные размеры хлебооборота и уровень закупочных цен. Свои хлебные грузы представители частного капитала отправляли под видом инорайонных организаций или через них. Через инорайонных заготовителей они получали и банковские кредиты. Ни к чему не привело и установление первоочередности погрузки для основных заготовительских организаций. Вагонов было достаточно для того, чтобы хлеб отправлялся при всякой очередности⁵⁶. В связи с этим в бюллетене ЭКО ПП ОГПУ сообщалось, что: *«ряд мероприятий, предпринятых в отношении частных хлебозаготовителей, в общем и целом, больших положительных результатов не дали. Частный капитал в истекшем декабре и январе месяцах не только не сдал своих позиций, но в некоторых районах развил еще более свою хлебозаготовительную деятельность»*⁵⁷.

Чувствуя свое бессилие ограничить частный закуп экономическими методами, сибирские власти пошли на крайние меры. Сибревком дал директиву местным органам ОГПУ под любыми предлогами произвести аресты наиболее крупных хлеботорговцев. Что и было сделано. Арестовали 14 человек, в том числе упомянутых выше Миненко и Иванова. Жалобы на незаконность подобных действий в конечном счете дошли до председателя СНК А.И. Рыкова, который 23 января 1925 г. в шифротелеграмме на имя председателя Сибревкома М.М. Лашевича потребовал срочно выслать объяснительную записку *«о целесообразности и необходимости этой меры»*.

В ответной объяснительной записке Сибревкома сообщалось, что *«аресты крупных частных хлебозаготовителей действительно имели место в Сибири, хотя формально эти аресты произведены под другими предлогами вне связи с их хлебозаготовками. По существу же аресты произведены с целью предупреждения окончательного срыва заготовок хлеба основными хлебозаготовителями»*. Записка была подписана заместителем председателя Сибревкома Р.И. Эйхе, поскольку М.М. Лашевич в это время находился в Москве. Последнему от имени Р.И. Эйхе была послана шифротелеграмма с просьбой *«лично информировать Рыкова о мероприятиях Сибревкома для усиления хлебозаготовок»*⁵⁸.

Причины недовольства Центра действиями сибиряков заключались в следующем. Успешный ход заготовок в большинстве зернопроизводящих районов страны, включая Сибирь, позволил несколько стабилизировать положение на хлебных рынках СССР. Однако уже в январе ситуация вновь резко ухудшилась: крестьяне практически всех регионов европейской части страны значительно снизили подвоз зерна на

рынки. В результате хлеба в целом по СССР было закуплено почти наполовину меньше, чем в декабре 1924 г.⁵⁹ Столь существенная разница в заготовках не покрывалась оставшимися от декабря запасами. Все это не могло не сказаться на снабжении потребляющих районов, которые стали испытывать острый недостаток в муке. Потребности в хлебопродуктах, например, удовлетворялись основными заготовителями по северо-западу страны (без Ленинграда) всего наполовину. Вместе с тем, частник, который мог бы восполнить эту недостачу, из межрайонного оборота всячески изгонялся. Значительное превышение спроса над предложением вызвало повсеместный бурный рост продажных цен на хлеб.

В связи с этим в правящих кругах постепенно созревало мнение о том, что единственным способом спасения центральных районов от продовольственной катастрофы может быть либерализация хлебного рынка, одним из направлений которой стало снятие ограничений с деятельности частного капитала. Помимо этого делалась ставка на повышение или даже отмену (по отдельным регионам и культурам) лимитов закупочных цен для основных заготовочных организаций.

Данная политика центра противоречила установкам сибирских властей, считавших единственно правильными административные методы регулирования, и встретила их активное противодействие. Так, в Сибири не было выполнено датированное концом декабря указание Наркомвнутторга о повышении лимитов на 25%. 15 января Наркомвнутторг предоставил право низовым ссыпным пунктам самостоятельно превышать лимиты на 5–10 коп. с тем, чтобы они приобрели свободу маневра и более успешно конкурировали с частником. Хлебное совещание при Сибкрайвнутторге признало данное решение не соответствующим линии краевого руководства и ходатайствовало перед Сибревкомом о приостановлении его действия на территории региона, что последним и было сделано⁶⁰.

Тем не менее давление на сибирские власти из Центра усилилось. Сибкрайвнутторгу было указано на незаконность решений ряда губисполкомов и губвнутторгов об обязательной регистрации частников и распространении на них лимитов. В начале февраля Наркомвнутторг дал обязательную для исполнения директиву о повышении в Сибири лимитов на пшеницу с 75–58 коп. до 85–95 коп. В течение февраля на 15% повысились лимиты на рожь⁶¹.

Т а б л и ц а 7

Среднемесячные рыночные цены по губерниям Сибири в 1924/25 г.
(коп. за пуд)

Месяц	Новониколаевская	Алтай- ская	Омская	Томская	Иркут- ская	Сибирь в це- лом
<i>Пшеница</i>						
1924 г.						
Август	–	–	–	–	–	121,0
Сентябрь	–	–	–	–	–	104,0
Октябрь	72,0	66,2	76,0	67,2	72,2	69,4
Ноябрь	67,3	75,5	82,8	72,5	70,0	73,6
Декабрь	71,0	80,5	81,6	69,4	69,5	74,4
1925 г.						
Январь	80,5	85,3	80,9	68,0	70,0	76,9
Февраль	93,6	91,0	100,9	68,3	70,0	84,7
Март	119,0	120,0	136,0	89,5	81,7	119,2
Апрель	136,5	118,0	137,0	150,0	–	136,4
Май	–	–	185,0	–	–	167,0
Июнь	–	–	170,0	–	–	171,0
<i>Рожь</i>						
1924 г.						
Август	–	–	–	–	–	73,0
Сентябрь	–	–	–	–	–	64,0
Октябрь	45,0	48,8	49,0	47,0	47,2	46,3
Ноябрь	46,7	55,0	50,2	40,0	47,3	47,8
Декабрь	46,0	55,8	50,1	44,8	48,2	49,0
1925 г.						
Январь	48,0	55,0	59,5	47,0	48,0	51,5
Февраль	60,6	63,5	64,4	42,0	51,1	56,2
Март	77,2	60,0	92,0	53,0	61,1	68,6
Апрель	93,6	72,5	94,5	90,0	–	87,6
Май	–	–	150,0	–	–	114,6
Июнь	–	–	102,0	–	–	115,0

Источники: ГАНУ, ф. р-659, оп. 1, д. 174, л. 282об.–283; ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 145, л. 322.

Примечание: По Енисейской губернии сведений нет.

Несмотря на принимаемые регулируемыми органами страны меры, падение темпа централизованных хлебозаготовок продолжалось и в феврале⁶². Почти на 20% уменьшились закупки в Сибири. Выполнение месячного плана в регионе составило 73,5%. Основная причина неудовлетворительного хода заготовок была той же, что и осенью. Производители зерна не желали продавать его по низким, не соответствующим конъюнктуре ценам. Доказательством данного несоответствия стало увеличивающееся расхождение между закупочными ценами основных заготовочных организаций и ценами вольного рынка. Если в январе средняя цена одного пуда пшеницы на вольном рынке в среднем по Сибири была выше, чем на сыпных пунктах государственных и кооперативных заготовителей на 0,2 коп., а одного пуда ржи – на 3 коп., то в феврале – уже на 6,2 и 4,8 коп. Самые большие «ножницы» цен держались на западе края, составляя в феврале в Омской, Алтайской и Новониколаевской губерниях соответственно по пшенице – 15,3, 8,5 и 8,2 коп., по ржи – 9,0, 16,4 и 5,1 коп. за пуд (см. табл. 4, 7). Таким образом, в конце зимы в Сибири фактически начался второй тур крестьянской «хлебной стачки», но на сей раз ее основными участниками стали более состоятельные слои деревни. Беднота и низшие категории середняков к этому времени почти все свое зерно продали.

Снижение объемов централизованного хлебозакупа еще более обострило продовольственное положение в потребляющих районах страны. Чтобы исправить положение, Центр продолжил линию на повышение лимитов. В разговоре по прямому проводу 28 февраля 1925 г. с заведующим Сибкрайвнутторгом начальник хлебофуражного управления Наркомвнутторга заявил, что удерживать стабильный уровень цен в создавшихся условиях нельзя (*«преступно из-за цены потерять хоть сколько-нибудь хлеба»*). Он был готов тут же дать санкцию на любое требуемое обстоятельствами повышение лимитов. Помимо этого сибирским заготовителям разрешили прием некондиционного влажного зерна⁶³.

В начале марта Наркомвнутторг предоставил Сибкрайвнутторгу право повысить действующие лимиты на 25%. В Сибревкоме и Сибкрайвнутторге посчитали столь резкое повышение излишним и, в свою очередь, отправили во все губернии сообщение о том, что там могут «по своему усмотрению» увеличить лимиты на 10%⁶⁴. Однако на местах даже это предложение встретили «в штыки». Так, Томский губисполком признавал повышение лимитов «политически» нецелесообразным, поскольку оно являлось выгодным лишь основным держателям хлеба – зажиточным крестьянам и мелким скупщикам, уверенно

ожидающим дальнейшего повышения цен. Подобная позиция разделялась партийными и советскими органами других губерний. Более того, губернские руководители настаивали на ужесточении административных методов регулирования рынка. Алтайский губисполком, например, считал необходимым распространение запрета подачи вагонов под частные грузы для вывоза из Сибири на внутрисибирские перевозки⁶⁵.

Однако Москва продолжала настаивать на отказе от внеэкономических методов и дальнейшем повышении цен. Рассмотрев 5 марта 1925 г. вопрос о хлебном балансе, ЦК ВКП(б) потребовал усиления заготовок в Сибири, для чего признал необходимым повысить в регионе закупочные цены⁶⁶ 7 марта в адрес руководителей Сибкрайкома и Сибревкома была направлена шифротелеграмма за подписью В.М. Молотова, в которой говорилось: *«Необходимость обеспечить бесперебойное снабжение хлебом промышленных центров потребляющих районов и максимально сократить ввоз иностранного хлеба побуждает приложить все усилия к значительному увеличению заготовок и вывоза хлеба с Урала и Сибири. С этой целью должны быть устранены все препятствия, как то: несоответствие цен, транспортные затруднения и прочее»*⁶⁷.

На сей раз сибирские власти были вынуждены выполнить столь жесткую установку Центра. Сибкрайком ВКП(б) в телеграмме губкомам партии, сообщая о вышеназванном постановлении ЦК, указал на необходимость повышения лимитов и напомнил, что *«губкомы возразили против повышения, так как это выгодно крепкому крестьянину. Эти соображения надо отбросить. Задаче заготовить как можно больше, даже сверх плана, подчините все»*⁶⁸. В итоге ценовые лимиты были увеличены на пшеницу до 100–120 коп., на рожь – до 60–80 коп. за пуд.

Помимо этого в Омской, Новониколаевской и Алтайской губерниях заготконторе Госбанка разрешалась покупка крупных партий хлеба (не менее одного вагона) у частников с надбавкой к лимиту до 10%. С 12 до 17% увеличивалась и надбавка за партионную поставку хлеба низовыми кооперативами⁶⁹. Но далее повышения закупочных цен для основных заготовочных организаций и вышеуказанных уступок «рыночной стихии» сибирские власти идти не собирались.

В.М. Молотов 25 марта направил в Сибкрайком ВКП(б) очередную телеграмму, в которой указал, что *«огурьное запрещение заготовок и вывоза инорайонным организациям, частным лицам»* противоречит имеющей *«исключительное значение»* задаче максимального изъятия у крестьянства товарных запасов зерна, и предложил: 1) *«не предприни-*

мать никаких административных репрессий, стеснений в отношении заготовок и вывоза частными лицами»; 2) допустить к заготовкам и вывозу хлеба инорайонные государственные и кооперативные организации⁷⁰. Несмотря на давление из Москвы, сибирское руководство настояло на сохранении запрета на вывоз из Сибири хлебных грузов указанных категорий заготовителей. По инициативе Сибкрайвнутторга Наркомвнуторг принял постановление о полном снятии инорайонных государственных и кооперативных заготовителей с сибирского рынка. Более того, несмотря на решение апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) отказаться от практики лимитирования сельскохозяйственных цен, а взамен них ввести так называемые синдицированные цены, устанавливаемые на местах по соглашению между основными и наиболее крупными местными государственными и кооперативными заготорганизациями, Сибревком посчитал целесообразным сохранение на территории края заготовительных лимитов до конца хлебозаготовительной кампании⁷¹.

Принятые меры несколько увеличили темпы хлебозакупа в европейской части СССР⁷². Относительно успешно прошли мартовские заготовки и в Сибири. Здесь месячный план был перевыполнен на 4%, причем в восточных губерниях края перевыполнение плана составило 12%. Крестьяне Енисейской, Иркутской и Томской губерний более активно реагировали на повышение цен. К тому же там стало приниматься имевшееся в большом количестве влажное зерно. На западе Сибири подъем закупочных цен ожидаемых результатов не принес. Месячный план там выполнили всего на 64%, хотя запасы зерна у крестьян оставались достаточно большими. По-прежнему отрицательно в Новониколаевской, Алтайской и Омской (месячное задание в которой было выполнено всего на 46,5%) губерниях на темп централизованных заготовок влияла разница в закупочных ценах с соседними регионами – Уралом и Казахстаном. Зажиточное западносибирское крестьянство упорно придерживало хлеб в ожидании еще большего роста цен, предпочитая продавать его на вольном рынке, в том числе и мелкими партиями, либо вывозить за пределы края.

С целью стабилизации ситуации на рынке государство в апреле осуществило залповый выброс на рынок потребляющих и недородных районов больших партий зерна и муки специально закупленных за границей⁷³. Хлебная интервенция внесла заметное улучшение в снабжение потребляющих районов и сняла там ажиотажный спрос. Однако неопределенность видов на урожай не позволила снизить закупочные цены на хлеб. Необходимо было во что бы то ни стало создать как можно большие запасы зерна на случай возможного неурожая. Един-

ственным эффективным способом выкачивания оставшегося у крестьянства хлеба по-прежнему оставался подъем заготовительных цен. Средневзвешенные закупочные цены основных государственных и кооперативных заготовительных организаций в Сибири выросли в апреле на пшеницу с 1 р. 11 к. до 1 р. 20 к. за пуд, ржи – с 68 коп. до 78 коп. В Омской губернии один пуд пшеницы покупался за 1 р. 32 к. Продолжался в апреле и рост цен на вольном рынке. В целом по региону средняя рыночная цена одного пуда пшеницы достигла 1 р. 36 к., одного пуда ржи – 88 коп.

Чтобы снизить цены в целом по стране, Наркомвнутторг провел следующий маневр. Было решено искусственно снизить спрос на хлеб со стороны основных государственных и кооперативных организаций в районах с наиболее высоким уровнем хлебных цен, а потребности в зерне и муке удовлетворять за счет восточных районов, уровень цен в которых был намного ниже, а значит, оставались резервы для их роста.

Особенно большие надежды возлагались на заготовки в Сибири, где по-прежнему приобреталось значительное количество хлеба. Здесь к 1 мая годовой план централизованного хлебозакупа был выполнен на 94%. Но в связи с тем, что зерна у сибирских крестьян оставалось еще много, Наркомвнутторгом для Сибири был утвержден план дозаточек на май–август 1925 г. в размере 5 млн пудов⁷⁴. Под это количество хлеба из расчета высокого уровня закупочных цен выделялись соответствующие финансовые ресурсы и промышленные товары деревенского спроса. Была продолжена практика увеличения цен. Высокие летние хлебные цены в сочетании с ожидаемым хорошим урожаем заставляли сибирских крестьян избавляться от излишков зерна. В результате план дозаточек в крае был несколько перевыполнен. За май–август здесь закупили в централизованном порядке 5233,6 тыс. пудов хлебопродуктов⁷⁵.

За весь заготовительный год в Сибири плановые государственные и кооперативные заготовительные организации приобрели 48 603 тыс. пудов зерна и муки. Увеличенное в ходе кампании до 49,8 млн пудов годовое задание было выполнено на 97,6%, что можно оценить как несомненный успех. Столь солидный результат был достигнут преимущественно за счет заготовок на востоке региона, где было закуплено 27 617 тыс. пудов хлеба, или 57% от общесибирского хлебозакупа. Выполнение годового плана в Енисейской губернии составило 132%, в Иркутской и Томской – 118%. Перевыполнение планов в северо-восточных губерниях края связано с недооценкой здесь объемов товарных запасов зерна и практическим отсутствием конкуренции со стороны частных

скупщиков при сравнительно невысоком непосредственном спросе на хлеб со стороны немногочисленного местного городского населения.

В западных губерниях годовой план был значительно невыполнен: по Алтайской губернии на 20,8%, по Новониколаевской губернии на 23,8, по Омской губернии на 29,3%. Однако годовое задание здесь соответствовало товарным запасам и было вполне реально для выполнения. Основными причинами слабого хода заготовок в указанных губерниях стали выжидательная позиция крестьянства, задерживающего произведенный хлеб до установления на него выгодных закупочных цен, а также возможность его сбыта по более высоким ценам частным торговцам, инорайонным государственным и кооперативным заготовительным организациям или непосредственно горожанам на базарах.

В целом по Сибири пшеницы было закуплено 20 338 тыс. пудов, ржи – 19 243 тыс., зернофуража – 7 112 тыс. пудов, что составляло соответственно 94,2, 113,9 и 94,8% годового задания. Удельный вес «Сибхлебопродукта» в общесибирской заготовке составлял 33,3%, Сибкрайсоюза – 32,3, Госбанка – 10,1, Сибгосторга – 7,4, Сибсельско-союза – 7,2, Сибторга – 6,6, Сибтпо – 2,3 и Масложирсиндиката – 0,4%. На долю инорайонных заготовительных организаций, частных фирм и непосредственные покупки горожан приходилось 15–20% от региональных централизованных заготовок (в Омской губернии – до 40%). 40 219 тыс. пудов заготовленных в Сибири в период с июля 1924 по июнь 1925 г. включительно было зачислено в счет общесоюзного централизованного хлебозакупа, доля региона в котором составила 12,8% (в закупе пшеницы – 15,8%). Из Сибири в 1924/25 г. вывезли 30 794 тыс. пудов хлебопродуктов⁷⁶.

Таким образом, советское государство, столкнувшись в 1924 г. с перспективой существенного повышения хлебных цен, пошло по пути ограничения свободы торговли. Политика устанавливаемых из Центра и жестко контролируемых предельных закупочных цен, которые не соответствовали состоянию рынка, спровоцировали в массовом масштабе практику задержки реализации зерна со стороны его производителей. Крестьянство большинства производящих районов страны, в том числе и сибирское, неудовлетворенное низким уровнем государственных закупочных цен, периодически сокращало вывоз хлеба на рынок. Связанная с подобным поведением крестьянства недозаготовка хлебопродуктов немедленно сказывалась на снабжении промышленных центров и незерновых сельскохозяйственных районов, вызывая там панику и, как следствие этого, бурный рост розничных хлебных цен.

В связи с ухудшением продовольственного положения советское руководство во второй половине кампании вынуждено было вновь пойти на либерализацию рынка. Постоянное повышение закупочных цен, которое явилось эффективным стимулом увеличения предложения зерна со стороны крестьянства, позволила основным государственным и кооперативным заготовительным организациям практически выполнить годовой план централизованного хлебазакупа и весной 1925 г. снять ажиотажный спрос. Однако повышение цен стало уступкой не всему крестьянству, а только более зажиточной его части. Остро нуждающаяся в деньгах беднота была вынуждена продавать свой хлеб осенью по крайне низким ценам, в то время как способный придержать зерно до весны более состоятельный житель деревни продавал свое зерно почти в 2 раза дороже.

* *
*
*

В начале 1924 г. советское государство столкнулось с существенным ростом закупочных цен не только на хлеб и масло, но и на лен, шерсть и кожсырье. Повышенный спрос на сельхозсырье предьявила восстанавливающаяся промышленность. В изделиях из него остро нуждалось городское население, уровень благосостояния которого улучшался. Значительный выгоды сулил экспорт. В то же время предложение указанных видов продукции в силу незначительности объемов производства было ограниченным. На заготовительном рынке развернулась ожесточенная конкурентная борьба между многочисленными государственными, кооперативными и частными заготовителями. Увеличение цен привело к затруднениям в работе предприятий легкой промышленности. Ограниченные государством в ценах на готовые изделия, они не имели финансовых возможностей приобрести необходимое количество сырья.

В феврале 1924 г. в ситуацию вмешивается государство. Вводятся ценовые лимиты как на закупаемое государственными и кооперативными заготовителями, так и на отпускаемое ими промышленным предприятиям льноволокно, шерсть и кожсырье, ограничивается количество заготовительных организаций которым разрешается их приобретение, вводится запрет на проведение торгово-закупочных операций через частных контрагентов⁷⁷.

Выработанные в начале 1924 г. принципы государственного регулирования заготовительного рынка технических культур и животноводческого сырья были пролонгированы на 1924/25 г. На этот год Наркомвнуторг СССР принял государственные планы закупок от-

дельных видов сельхозпродукции и разверстал их по регионам и организациям, допускаемым на рынок. Сибкрайвнутторг в свою очередь утвердил региональные заготовительные задания и распределил их между государственными и кооперативными торгово-закупочными организациями, получившими статус основных плановых заготовителей⁷⁸. Сибирь получила имеющее кредитное обеспечение задание по закупкам кожсырья, шерсти и растительного волокна. Введенные на эти продукты предельные цены тормозили их заготовки.

На мясном рынке сложилась иная ситуация. Чтобы не допустить обвала закупочных цен в недородных районах европейской части СССР, государство направило в них значительные ресурсы, не оказав поддержки другим регионам. В число последних вошла Сибирь, которая была исключена из общесоюзного плана мясозакупа и не получила кредитов на его ведение. Предложение в крае существенно превысило финансовые возможности местных заготовителей⁷⁹ и цены на мясopодукцию и живой скот резко снизились. Несмотря на это, минимальные лимиты в крае не вводились.

Стоимость мяса в Сибири стала расти лишь после выгона скота на выпаса весной 1925 г. Тогда же в соответствии с решениями апрельского пленума РКП(б) была отменена практика ценового лимитирования. Увеличившиеся после этого закупочные цены стимулировали крестьян к реализации оставшихся у них товарных запасов технических культур и животноводческого сырья⁸⁰.

Таким образом, политика государственного регулирования заготовительного рынка сельхозпродукции в целом в период с начала 1924 г. до конца лета 1925 г. характеризуется рядом безуспешных попыток его ремонополизации и перехода к директивному механизму образования закупочных цен.

¹ Вайнштейн А.Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922–24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 44.

² Ежегодник хлебной торговли. М., 1928. № 1: 1925/26 и 1926/27 гг. С. 62; Хлебные цены и хлебный рынок. С. 220–221.

³ ГАКО, ф. П-47, оп. 1, д. 353, л. 32.

⁴ Ежегодник хлебной торговли. С. 62; Хлебные цены и хлебный рынок. С. 220–221.

⁵ Народное хозяйство СССР за 1923/24 г.: Стат.-эконом. ежегодник. М., 1924. С. 104.

⁶ Вайнштейн А.Л. Хлебный рынок... С. 47.

⁷ Экономическая жизнь. 1924. 22 февр.; 1 марта.

⁸ ГАНУ, ф. Р-659, оп. 1, д. 136, л. 5; Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 81.

⁹ Ежегодник хлебной торговли. С. 62; Хлебные цены и хлебный рынок. С. 220–221.

¹⁰ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 55.

¹¹ Хлебный рынок. 1925. № 15. С. 29.

¹² Там же. 1925. № 15. С. 39, 44; Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 77–80.

¹³ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 69.

¹⁴ Журнал мельничной техники и промышленности. 1924. № 8. С. 51.

¹⁵ Плановое хозяйство. 1925. № 9. С. 297.

¹⁶ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 100; Хлебный рынок. 1924. № 11. С. 38.

¹⁷ ГАНО, ф. Р-288, оп. 1, д. 219, л. 43.

¹⁸ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 199; Хлебный рынок. 1924. № 10. С. 38.

¹⁹ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 136, л. 15.

²⁰ Достаточно крупные и финансово самостоятельные Губсоюзы, напротив, лишним звеном кооперативной системы считали Сибкрайсоюз.

²¹ Кооперативная Сибирь. 1924. № 23–24. С. 80.

²² Там же. С. 79.

²³ Там же. № 31–32. С. 5.

²⁴ Там же. № 21–22. С. 17.

²⁵ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 41, л. 3.

²⁶ Там же, ф. Р-61, оп. 1, д. 1212, л. 60б.

²⁷ Хлебный рынок. 1924. № 7. С. 43.

²⁸ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1301, л. 34.

²⁹ Ежегодник хлебной торговли. С. 62; Акционерное общество торговли хлебами и другими сельскохозяйственными продуктами «Хлебопродукт»: Стат. отчет за 1924/25 операционный год: третий год работы. М., 1925. С. 57.

³⁰ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 75–76..

³¹ Хлебный рынок. 1925. № 11. С. 13; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 313, л. 5.

³² *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 76–79, 55.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 23а, л. 79.

³⁵ СЗ СССР. 1925. № 14. Ст. 112; Хлебный рынок. 1924. № 16–17. С. 1.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 467, л. 5; РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 23а, л. 80, 82об; ГАНО, ф. Р-1, оп. 2, д. 130, л. 36.

³⁷ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 150.

³⁸ ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 145, л. 322; Акционерное общество... С. 57; Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 11–12. С. 27.

³⁹ ЦХАФАК, ф. Р-16, оп. 1, д. 131, л. 69.

⁴⁰ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 79.

⁴¹ Там же, ф. Р-288, оп. 1, д. 219, л. 46; ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 76, 79; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 116.

⁴² ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 150.

⁴³ Социалистическое хозяйство. 1924. № 4. С. 376.

⁴⁴ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 288, л. 58, 72.

⁴⁵ Там же, л. 31.

⁴⁶ Там же, д. 287, л. 196, 265.

-
- 47 Торговые известия. 1925. 26 мая.
- 48 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 76об., л. 25.
- 49 Хлебный рынок. 1924. № 5–6. С. 53.
- 50 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 313, л. 5.
- 51 Там же, д. 78, л. 90.
- 52 Хлебный рынок. 1924. № 5–6. С. 53.
- 53 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 149.
- 54 Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 6, 6об., 9об.
- 55 Там же, оп.2а, д.53, л.7об.
- 56 Там же, л. 13.
- 57 Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 132.
- 58 *Ильиных В.А.* Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 67–69, 71–72.
- 59 *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 78–79.
- 60 ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1457, л. 5, 6.
- 61 Там же, оп. 2а, д. 53, л. 6; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 134.
- 62 *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 79.
- 63 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 130; РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 23а, л. 83.
- 64 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 243, л. 118; ф. Р-1, оп. 2а, л. 85.
- 65 Там же, ф. Р-1, оп. 2а, д. 53, л. 84, 65об., 89; ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 143; ЦХИДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 846, л. 109.
- 66 ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 144.
- 67 Там же, л. 153.
- 68 Там же, л. 143.
- 69 Там же, л. 93; ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 106; д. 313, л. 87.
- 70 Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 165.
- 71 РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 58, л. 40; ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 170, 171, 174; ф. Р-659, оп. 1, д. 313, л. 82, 84.
- 72 *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 91–92.
- 73 Там же. С. 92.
- 74 ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 157, л. 169.
- 75 Там же.
- 76 Там же, д. 80, л. 32; Хлебный рынок. 1925. № 15. С. 16; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 11. С. 47, 49; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 116.
- 77 ГАРФ, ф. 5674, оп. 1, д. 5, л. 151; Социалистическое хозяйство. 1925. № 1. С. 175, 178, 182, 243; Жизнь Сибири. 1924 № 5–6. С. 69.
- 78 Региональное годовое задание по заготовкам кожсырья получили Всероссийский кожсиндикат, Сибторг, Сибгосторг, «Сибмясохладобойня», Сибкрайсоюз и Сибсельскосоюз, растительного волокна – Сибгосторг, Сибторг, Сибкрайсоюз и Сибсельскосоюз, шерсти – Сибгосторг, Сибторг, Сибсельскосоюз и АО «Руссот», животноводческого сырья (конского волоса и щетины) – Всероссийский кожсиндикат, Сибторг, Сибгосторг, акционерные общества «Расо» и «Цато», Сибкрайсоюз и Сибсельскосоюз.
- 79 Сибкрайвнутторг утвердил региональное годовое задание по закупкам мяса в живом и убойном весе и разверстал его между Сибторгом, «Сибмясохладобой-

ней», Сибкрайсоюзом и Сибсельскосоюзом, которые получили статус основных плановых мясозаготовителей.

⁸⁰ В итоге за 1924/25 хозяйственный год основные государственные и кооперативные загооорганизации приобрели у сибирских крестьян 445,6 тыс. крупных и 376,1 тыс. мелких кож, 230,1 тыс. пудов льна, 96,5 тыс. пудов пеньки, 25,9 тыс. пудов шерсти, 382,7 тыс. пудов мяса, 17,8 тыс. голов крупного и 10,6 тыс. голов мелкого скота на мясо, 15,4 тыс. пудов щетины, 14,1 тыс. пудов конского волоса, 590,4 тыс. яиц. Доля кооперации в заготовках мяса составляла 72%, шерсти – 40, пеньки – 40, льна – 38, кожсырья – 19%. — *ГАНО*, ф. Р-659, оп. 1, д. 74, л. 288, 246, 253; Социалистическое хозяйство. 1926. № 4. С. 210; Жизнь Сибири. 1925. № 12. С. 73.